

ПРОЛОГ

Красная крошка, отлетающая от кирпичных стен коттеджа под ударами пуль, окутала дом легкой дымкой. В автоматную трескотню вплетался звук бьющегося стекла, когда кто-то попадал в окна, ощерившиеся разбитыми стеклами, как гигантскими акульными зубами. Перед крыльцом вытянулись две мертвые собаки. Когда пули попадали в них, они дергались, как будто отгоняли назойливых мух.

Но взгляд капитана Сидельникова приковал к себе изрешеченный джип. Пара колес была прострелена, и он наклонялся вперед, как будто кланялся кому-то. Капитан жевал травинку и периодически грыз ногти.

Со стороны здания раздалась очередь. Офицер сморщился — опять кто-то неосторожно высунулся или даже подставился. Оставалось только надеяться, что защитник коттеджа промахнулся. А о том, что стрелять он умеет, свидетельствовал кровавый след на траве, хорошо видимый капитаном. Оттуда совсем недавно удалось оттащить раненого сержанта. А ведь он всего-навсего неосторожно приподнялся.

Капитан Сидельников, откровенно говоря, был в полном замешательстве. Несколько часов назад в их химический батальон, располагавшийся в самом глу-

боком тылу СКВО, пришла депеша, от которой у дежурного по батальону отвисла челюсть.

От них требовалось собрать боеспособное подразделение, максимально вооружиться и выдвинуться в соседний район с задачей блокировать указанный объект и захватить, по возможности, всех тех, кто там будет находиться.

Особенно непонятно было, почему эту милицейскую операцию должны выполнять вооруженные силы? Настораживало требование вооружиться по максимуму. Из этого максимума в химбатальоне были только автоматы. Даже огнеметов не было — все они давным-давно отправились в Чечню, а пополнять запасы никто не собирался. Еще, правда, были гранаты. Но гранаты надо докинуть. И не просто докинуть, но и попасть, куда целишься. А с этим у всего личного состава батальона были, признаться, большие проблемы.

Тем не менее, приказ есть приказ. И сорок человек личного состава, взяв два ящика гранат и по восемь магазинов патронов на брата, на двух «шишигах» выкатились из ворот контрольно-технического пункта...

За спиной капитана Сидельникова послышался шорох. Офицер оглянулся. С его взглядом встретился растерянный взгляд молодого прапорщика Моисеенко.

— Что будем делать? — спросил он. — Все лежат. Подняться невозможно... Это не наше дело. Здесь спецназ нужен. Или ОМОН какой-нибудь.

— ОМОН на границе с Чечней, — меланхолично ответил ему капитан, — а мы ближе всех были к этому месту.

— А менты местные?

— Это тебе не срочники. Они бы просто не пошли. Им что — жить надоело?

Им обоим вспомнилось, как они пытались узнать расположение интересующего их объекта от местного участкового. Его поймали буквально за хвост. Он уже прыгал на свой мотоцикл и собирался удалиться. Увидев, что к нему приближается военный грузовик, он не только не перестал терзать педаль, но явным образом заторопился. Чтобы остудить нетерпеливого милиционера, пришлось сделать пару выстрелов. Тогда он затормозил, но дружелюбия у него не прибавилось.

Свое поведение он объяснил очень просто: «Вы приехали, постреляли-взорвали и уехали. А мне здесь еще жить. И еще неизвестно, как на все это местные чечены посмотрят. А у меня дети маленькие и жена не работает».

Его успокоили обещанием, что он покажет нужный дом и тут же может сваливать. Участковый запрыгнул в машину и сидел всю дорогу со злым взглядом. Он показал коттедж издалека, потом на ходу спрыгнул и быстро скрылся из вида.

Кто-то из солдат плюнул ему вслед.

— Пора пускать в дело гранаты, — сказал прапорщик. — Но кто-то должен подобраться поближе — отсюда не докинуть.

Капитан молчал. Но выбора на самом деле почти не было. Интенсивная и явно бесполезная стрельба поглотила большую часть боеприпасов, которые были у солдат. Скоро стрелять будет нечем. Очень мерзко было то, что ни одна рация не работала. Им было сто лет в обед, и они не пережили бешеной гонки по кочковатой грунтовке. Все как одна заглохло. Ни помощи попросить, ни ситуацию уточнить. А ведь даже толком неизвестно, кто там — в этом доме?

— Да у нас и бросать гранаты-то никто не умеет, — подумал Сидельников вслух.

— Шурик учил всю дорогу.

— Двухгадюшник? Да он сам когда научился?

— Ну, так на праздники же брали десяток гранат... Он половину и покидал. Наловчился, значит.

Капитан криво усмехнулся. И чересчур сильно укусил ноготь. Оторвал кусок вместе с мясом. Сидельников матюгнулся, подождал, пока боль утихнет, и крикнул в сторону залегших бойцов:

— Титов, ко мне!

Солдат расслышал, оглянулся и, осторожно спустившись в ложбинку, на полусогнутых пробрался к командиру.

— Так, слушай внимательно! Сейчас проберешься к Шурику... Тьфу!.. Лейтенанту Носко, и скажешь вот что. Мы сейчас откроем сильный огонь с этой стороны. Пусть он отправит пару бойцов потолковее к окнам. Пусть возьмут гранат побольше. И закидают на хрен через окна этот дом... И пусть поаккуратнее там... Запомнил? Повтори!

Румяный, пухлогубый, с по-детски распахнутыми ясными глазами, еще не испорченными ни алкоголем, ни табаком, Титов повторил все слово в слово, включая и «на хрен».

— Давай! Дуй быстро. И сам тоже аккуратно — не подставься!

Якубу было нелегко управлять обороной. Он не знал, что делать дальше. Сколько-то он продержится, но что потом? Неужели пришло и его время стать шахидом?

— Аллах акбар! — прошептал он. — Аллах акбар!

Он сидел спиной к стене, а перед окном стояло зеркало, в которое он внимательно смотрел. Того, что там отражалось, вполне хватало для контроля за половиной окружающего пространства. Другую половину таким же нехитрым образом обзирал второй сын Арсана. Он был бледен, но держался мужественно. Якуб задумчиво усмехнулся.

Стрельба по дому его не очень тревожила. До сих пор по нему не выстрелили ни из гранатомета, ни из огнемета. А это значит, что или их просто нет, или его хотят взять живым. Ну что ж, пусть попробуют...

Русские явно не знали, что им делать. Попытки продвинуться пресекались Якубом длинными и точными очередями из пулемета. Кого-то он точно зацепил, потому что уже минут двадцать никаких поползновений солдаты не предпринимали.

Но вот внимательный взгляд боевика привлекло какое-то отдаленное движение. Он присмотрелся. Так, явно кто-то пробирается на другой фланг. Достать его было нельзя, солдата закрывала ложбина, но зоркий Якуб отметил, что по ходу движения есть небольшой открытый участок. И его придется преодолеть по-любому...

Солдат рванулся вперед, и Якуб наконец-то смог развернуться к окну и дать длинную очередь...

Боец, который увидел, как очередь сразила Титова, передал об этом по цепи капитану. Сидельников от такой новости почернел буквально на глазах. Еще одного солдата отправлять по тому же маршруту он уже не мог. Прапорщик почувствовал его состояние, и неизвестно, что заговорило в нем — глупость, гордость, отвага, чувство долга или всего понемножку,

но он сам предложил выход, который капитан предложить бы ему не решился.

— Давай отсюда прорываться, — сказал Моисеенко. — Сосредоточим огонь на окнах, я добегу до забора. Потом вы опять по окнам, а я перелезу — и к стене. А там — как бог даст!

Забор был таким же солидным, как и сам коттедж: из красного кирпича, высокий, с башенками. Но перелезть его было не так уж и трудно. С внешней стороны для красоты были сделаны разные кирпичные прибабасы, на которые можно было ставить ноги и двигаться как по лесенке. Видно, хозяевам и в голову не приходило, что им придется обороняться от кого-либо, и о неприступности забора они не побеспокоились. Моисеенко был парень ловкий, и такое препятствие было ему вполне по зубам.

— Ладно, — проскрипел Сидельников каким-то чужим голосом, — я не хочу тебе приказывать, но ты сам понимаешь, что это надо сделать.

Прапорщик, конечно, не мог знать, что в этот момент фортуна повернулась к нему полубоком: зеркало, в которое дудаец смотрел, как Персей в свой щит, разлетелось на куски от случайного попадания, обдав боевика градом мелких стеклянных осколков. Теперь положение Якуба сильно осложнилось — чтобы отслеживать местность, ему надо было смотреть в окно, а значит, подставлять свою голову под вполне возможную пулю. Как ни был он храбр, но такое положение его обескуражило. Он сам с неудовольствием отметил у себя легкие признаки паники.

— Успокойся, — прошептал он, — Аллах дает жизнь, и Аллах ее забирает. Ни дня больше, чем мне отведено, я не проживу. Но и меньше тоже...

Капитан махнул рукой, и бойцы короткими очередями — патронов-то осталось немного — стали стрелять по окнам. Моисеенко коротко всхлипнул и рванул, как на стометровке. Он бежал прямо, не петляя, и Сидельников зажмурился. Когда он открыл глаза, то увидел, как прапорщик прижимается к забору и тяжело дышит. Он поднял голову и показал капитану большой палец. Сидельников поднял большой палец в ответ.

Моисеенко повернулся к стене, подпрыгнул, резво заработал ногами, взлетел наверх и перебросил тело на ту сторону. Капитан перекрестился. Он почувствовал, что холодный пот заливает ему глаза.

Теперь он увидел, как прапорщик добежал до фундамента. Сидельников закричал во весь голос, чтобы стрельбу прекратили — он испугался, что случайная пуля может попасть в Моисеенко, и это будет чудовищно глупо и ужасно. Огонь утих. С другой стороны дома стрельба продолжалась, но была она какая-то вялая, непонятная.

Ловкий прапорщик метнул гранату, и она очень удачно влетела в нижнее окно. Вторая влетела в верхнее окно. Послышались хлопки, и капитан заорал: «Вперед!» Он поднял свое затекшее тело и бросил его вниз по склону. Солдаты рванули за ним: все или не все, но многие. Они бежали быстрее, а тут еще Сидельников споткнулся и со всего маху перевернулся через голову. Поэтому бойцы оказались у забора быстрее. Они перелезли через него и кинулись к крыльцу. Противник молчал. Это добавило солдатам храбрости: они выбили дверь в дом и толпой ломанулись внутрь.

Капитан спрыгнул с забора и вот тут услышал стрельбу в доме. За очередями не было слышно кри-

ков, и понять, что там творится, не попав внутрь, было нельзя. Неужели засада? Неужели их впустили в дом специально? Смертники?

Внезапно стрельба оборвалась. У крыльца капитан столкнулся с прапорщиком. Они понимающе переглянулись и один за другим прошли внутрь. Прапорщик судорожно сжимал в руке лимонку с выдернутой чечкой.

Недалеко от прихожей, на пороге кухни, с нелепо задравшейся юбкой лежала мертвая женщина. У нижней ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж, раскинул руки мертвый боец. Мертвый — вне сомнения — он был весь изрешечен. С такими ранами не живут.

Моисеенко и Сидельников перешагнули тело и очень осторожно пошли наверх. Было тихо, и это пугало. Ну не могли же погибнуть все те, кто ворвался в дом? Ведь не было ни оглушительного взрыва, ни криков, ни стонов — и, тем не менее, было тихо.

Поднявшись на второй этаж, капитан сначала увидел подростка, лежавшего на середине ковра и зажавшего в мертвых руках автомат. А потом он увидел своих подчиненных. Солдаты стояли неподвижно и странно молчали. Они все, как зачарованные, смотрели в один и тот же угол комнаты. Сидельников подошел ближе и через их спины увидел то, на что они уставились.

Такого презрительного, ненавидящего, гордого и сильного взгляда он не видел еще никогда в жизни. Боевик был смертельно ранен, он сидел в луже крови. Его руки дергались, он пытался их поднять, но сил на это не было.

И все же солдаты боялись даже его взгляда. Они

были похожи на бандерлогов, увидевших удава Каа. Толпа мальчишек против прирожденного убийцы. Против злобного волка.

Чечен смотрел так, словно это он выиграл бой, а не они. Это у него был взгляд победителя. Так оставлять было нельзя...

Капитан решительно раздвинул толпу, сделал два больших шага вперед и выстрелил боевику в голову...

ГЛАВА 1

Сначала показалось облако пыли, а затем из него вынырнули одна, две, три «шишиги», переваливающиеся на ухабах, грязные и натужно ревушие.

Часовой в бронежилете на голое тело с вершины искусственного кургана радостно заорал:

— Смена! Смена едет!

Был полдень жаркого майского дня. Основная масса солдат мирно дрыхла в блиндажах, но от такой новости все как один выскочили на подобие плаца — площадку, окруженную со всех сторон земляными валами, и уставились на прибывших. Последним из командирского блиндажа солидно вышел молодой лейтенант в выгоревшем камуфляже без знаков различия, с болтающимся на правом плече АКС, и, приставив козырьком ладонь к глазам, пытался высмотреть нового командира блокпоста.

А тот уже шел к нему. Камуфляж новый, чистенький, начищенные берцы, на погонах звездочки, на плече АКСУ. По дороге он обернулся, крикнул:

— Построиться у машин! И не отходить! — И снова заспешил к лейтенанту.

«Выгоревший» лейтенант довольно скептически смотрел на действия нового, но только легкой усмешке позволил он коснуться своих губ и быстро ее убрал.

Подошедший молодой представился первым:

— Лейтенант Дробязко! Прибыл на вашу смену.

— Лейтенант Семенов! Смену сдам. Давно пора. Пойдем, сразу же опишу обстановку, да и собираться начну. Поздновато вы, могли бы и с утра приехать.

— Понимаешь, я лицо...

— Подневольное. Сам знаю. Поэтому пойдем смотреть. Тебе здесь теперь жить!

Лейтенанту Семенову было чем похвалиться. Во-первых, все огневые точки были обложены бетонными плитами, траншеи выкопаны в полный рост, для спуска и подъема имелись ступеньки, для машины укрытия изготовили — тоже на труд не поскупились. Но это не все. Жилые блиндажи изнутри обложили досками так, что и вправду напоминало жилье, стояли самодельные буржуйки для холодной погоды. А во-вторых, имелась подземная баня: с предбанником, душем и парной. Дробязко только рот открывал по мере осмотра.

— Что? Думаешь, рай земной? — уже открыто усмехнулся Семенов. — А теперь о деле... По направлению на юго-запад — Бамут. Между прочим, оттуда вполне добивают досюда из ПТУРСов. Недавно колонна здесь опрометчиво остановилась: вон с того склона, видишь, запустили, и «Урал» накрылся. Четыре трупы. Так что имей в виду. Далее. По направлению на юго-восток развалины какого-то сельскохозяйственного объекта, вроде бы фермы, но точно не знаю. Оттуда по ночам стреляет снайпер — очень точно: у нас двое убитых. Пойдем, покажу место, где это случилось.

Они направились по передней траншее налево, и через несколько метров Дробязко увидел втиснутую в грунт деревянную табличку: «На этом месте 28.02.96 г.

пал от пули снайпера Гарифуллин Рустам. Вечная память».

— Вторая табличка дальше, — пояснил Семенов. — Смотри, твоя задача, чтобы таких табличек больше не было.

— Понимаю, — бравый вид Дробязко как-то постепенно тускнел.

— Да ты не переживай! Мы отстояли, и ты отстоишь! — ободряюще хлопнул его по плечу уже открыто улыбающийся Семенов. — Первый раз в Чечне?

— Да. Первый. Училище год назад закончил. Владикавказское общевойсковое.

— А я алма-атинское — два года назад... Ну, давай. Пошел я собираться. Как только уеду — назначай смены, посты, а главное — помни о снайпере. Его, правда, уже неделю нет, но вернуться может в любую минуту. Учти.

Саша Куценко стоял на том самом месте, где полуголый часовой первым заметил приближающуюся долгожданную смену. Наверху было построено укрепление из наполненных землей цинков из-под патронов. Их было столько, что Саша невольно покрутил в удивлении головой. Сооружение выглядело надежным, а с вершины открывалась широкая панорама местности: буйная зелень, обросшие горы, мелколлестье предгорий, далеко-далеко — снежные вершины, а выше них — голубое бездонное небо.

Саша поднял СВД и через прицел принялся просматривать ближайшие окрестности: мало ли что. В Чечне он тоже был впервые, но разговоров успел послушаться вдоволь. Где была правда, где вымысел, а где

и то и другое вместе, конечно, сам не увидишь — не поймешь. Но страху нагнали.

Служить Саша попал в обычную пехоту. Как и все, мучился на курсе молодого бойца — физическая нагрузка была непривычно большой, а кормили плохо. Если и был на нем какой лишний жирок на гражданке, то он мгновенно исчез. На полигоне стреляли только из автоматов. Ему не понравилось, отстрелялся он средне, оружие не полюбил. И с тревогой сам себя спрашивал по ночам: не потерял ли навык, что случилось?

А после распределения по ротам и взводам узнал, что по «штатке» его записали пулеметчиком. Тогда он сам подошел к взводному и сказал, что хочет быть снайпером и прилично стреляет.

— Снайпером? — удивился взводный. — А где же ты учился?

— Я в тир ходил, разряд имею. — Насчет разряда Саша соврал, но очень не хотелось быть пулеметчиком.

— Ладно, давай. Но после стрельб если увижу, что соврал, то пеняй на себя.

Но эта угроза была пустой. Из-за такой мелочи не стал бы лейтенант ничего делать. А на ближайших стрельбах Саша Куценко показал абсолютно лучший результат батальона, так что его вроде бы хотели даже в разведроту забрать, но почему-то передумали. Впрочем, Саша не огорчился, он уже привык к сослуживцам, тем более что коллектив подобрался неплохой, можно сказать, даже дружный: «деды» не слишком наезжали, и молодые между собой особо не грызлись. А менять шило на мыло Саша не хотел. Так он и остался в своей роте: приобрел некоторое уважение со стороны сослуживцев и расположение начальства.

И когда к нему в гости приехали родители, то проблем с увольнением на три дня не возникло. Мать с отцом сняли квартиру недалеко от части, он поселился вместе с ними и целых три дня отъедался, не забыв, естественно, оставить подарки для «дедов» и друзей по роте.

Результатом поездки остались небольшая сумма денег, которую хозяйка квартиры Полина Яковлевна обязалась хранить и выдавать по первому требованию, и большой шмат сала, который тоже можно было прийти и съесть у нее.

Он истратил все деньги и съел все сало за неделю до отправки в Чечню. Повезло.

Саша вздрогнул от громких звуков песни, раздавшихся с «плаца». Отъезжающие построились, и громко ревели слова ими же сочиненного гимна — уж больно неотредактирован был текст. Недостаток текста и аранжировки военнотружущие с лихвой компенсировали энтузиазмом исполнения. Попрыгали на свои БТРы и укатили. Причем летели так, словно за ними черти гнались. На «плацу» остался несколько растерянный лейтенант Дробязко и только что пропнувшийся прапорщик Карпин.

Наконец лейтенант преодолел нерешительность и приказал строиться.

— Слушайте приказ. Машины — в укрытия: Перфильев — туда, Симонов — туда, Оченаш — туда. Ясно?.. Далее. Первое отделение занимает блиндаж у въезда, второе отделение — тот, который у них прямо за спиной, третье — вон там. Ясно? — Он показал пальцем, слегка подумал и продолжил: — Сержант Бли-

нов, распределите людей вашего отделения по постам... Пока все. Выполняйте.

Дробязко с прапорщиком отправились занимать командирский блиндаж, когда внезапно у въезда на блокпост засигналила машина.

— Кого это еще принесло? — удивился Карпин. — Что за чудо?

Чудом оказалась еще одна «шишига», из кабины которой выпрыгнул и заторопился к Дробязко, чуть не упав, лейтенант-минометчик Алексей Саблин. Он привез два расчета «подносов» — 82-мм минометов — и личное указание начальника штаба об усилении бдительности. Саблин был кадровым офицером, что производило благоприятное впечатление на фоне за-силья в артиллерии среди взводных неразумных «пиджаков». «С этим мы споемся!» — радостно подумал Дробязко. А прапорщик подумал: «А кормить кто их будет? У нас на них рацион не предусмотрен».

Увидев выразительный взгляд Карпина, Саблин с ходу ответил на черные мысли прапорщика:

— А у нас сухой паек на трое суток.

— А что, в ближайшее время что-то ожидается?

— Да вроде того. Но точно я не знаю.

— Ну что ж, прошу к нашему шалашу. Устраивайся с нами. Все обсудим.

Солнце клонилось к закату, и после краткого обсуждения решили минометы не разворачивать, машину минометчиков укрыть за бугром, хотя и за внешней стороной блокпоста, но лучшего места все равно не было; распределили смены по отделениям, договорились, кто и когда будет проверять посты;

Саблин с торжественным криком достал бутылку водки, и на землю упала ночная мгла.

В это время Саша Куценко находился на своем боевом посту, вглядывался в темноту. О том, что он сейчас в Чечне, Саша родителям так и не написал — не хватило духу.

Через полчаса сидеть в одиночестве ему надоело, и он отправился в гости к ближайшему посту, где, судя по раздававшемуся легкому шуму, уже были гости.

— Привет, братва! — весело сказал он, появившись на участке Рыжего. Кроме него, там сидело еще двое — Папуас и Хавчик.

— Курить есть? — вместо приветствия нетерпеливо спросил Хавчик. — Уши вянут.

— Так я ж не курю!

Действительно, Саша не курил, как ни странно. В роте он был один некурящий, и поначалу это вызвало раздражение у сослуживцев, но со временем перемололось, и даже, наоборот, некурящий Куцый стал достопримечательностью.

— А, черт, это ты, Куцый? Сразу не признал. — Хавчик расстроился.

— Я не курю, но у меня есть!

— Откуда?!

— Ну, так давали же «Астру», я и взял. Не прощелкал.

— Ну, так давай... быстрее!

Саша снисходительно протянул им ровно три сигареты:

— Курите, бедолаги!

Троица зашевелилась, полезли искать спички. Нашли не сразу. Начали прикуривать, и Рыжий спросил:

— А вы знаете, почему кто третий прикуривает, тот умрет?

— Поч.... А-а-а-а!!!

Сашино лицо обрызгало горячей жидкостью, он непроизвольно присел и вжался в землю. Душераздирающе кричал Хавчик. Все растерялись и словно застыли. Послышались недоуменные, испуганные голоса.

— Сюда! Быстрее сюда! — Саша от испуга сам начал вопить как резаный.

Первым по траншее примчался прапорщик:

— Что у вас случилось? Ого! Что с ним?

— Я не знаю, — честно ответил Саша, успокаиваясь, присутствие прапорщика придало ему духу, — но, похоже, он ранен.

— Берите его и тащите к нам в блиндаж, быстро.

Рыжий и Саша потянули Хавчика на себе вслед за прапорщиком, который шел по траншее и орал:

— Не высовываться! Все на места! Готовность номер один!

Бедный Хавчик уже не орал, а только стонал. Когда его втянули в командирский блиндаж и зажгли свет, то прапорщик только и сказал, что:

— Да-а-а-а....

Плеча у Хавчика не было, исчезло; на чем держалась рука, непонятно, и он истекал кровью.

Первым опомнился Саблин. Он вытащил из большого кармана тубик обезболивающего и с размаху засадил его в ногу раненого, потом поднял глаза и заорал:

— Ну чего стоите! Тащите бинты!!

— Радист! Вызывай штаб!

— Не могу! Не отвечают!

— Почему не отвечают!!

— Слышь, лейтенант, а в полночь частоту меняют, ты в курсе?

— Как меняют? А, черт, точно. Мне же говорили! Куда же я записал?! Не могу найти!!

— Может, в «шишигу» его и так отвезем? Тут до базы километров семь-восемь!

— Ага! Демаскируем машину, и снайпер по ней как даст: сейчас один раненый, а будут еще, а не дай бог, в бензобак?

— Ну, а что делать-то тогда, он до утра выдержит?

Пока Саблин пытался не слишком умело перебинтовать солдата, на пол натекла целая лужа крови. Прапорщик внимательно присмотрелся к лицу Хавчика и тихо сказал:

— А уже ничего и не надо делать — он умер!

И действительно, парень потерял столько крови, что жизнь из него просто вытекла; он стал белым в обманчивом электрическом свете, и черты его лица заострились. Дробязко сел на пол, обхватил голову руками и завыл, раскачиваясь всем телом: в первую же ночь потерять солдата, а ведь предупреждали о снайпере, как же так?!

Саблин и Карпин молчали, скрипя зубами, радист в углу съежился, будто хотел превратиться в точку.

Прошла кошмарная ночь; тело Хавчика положили в тенок, накрыв плащ-палаткой. Бойцы старались не смотреть в его сторону — в теплую весеннюю погоду внезапно пробирал до костей лютый холод. Наверное, это был страх: «вот и меня тоже так могут».

В полдень приехал на БМП начальник штаба Гогниев. Пока тело грузили на машину, он отозвал в сторону лейтенантов и долго задумчиво молчал. Потом поднял голову и сказал, как отрезал:

— Чтоб больше такого не было! Делайте, что хотите!

Повернулся, взлетел на броню и уехал не оглядываясь.

Лейтенанты постояли на месте, потом Дробязко посмотрел в сторону кургана:

— Пойдем, там местность осмотрим и посоветуемся.

— Пойдем...

На кургане они прогнали часового; Саблин облокотился на бруствер и жизнерадостным тоном произнес:

— Я знаю, как завалить этого гада!

У лейтенанта минометчиков настроение резко поднялось: начальник штаба почему-то не заметил не выставленных минометов; если бы он просек этот казус, то оторвал бы Саблину голову. Все то время, пока Гогниев присутствовал на блокпосту, у минометчика в животе царил холод, а по спине тек пот. И сейчас он испытывал настоящий «отходняк», пережив далеко не самые приятные минуты в своей жизни.

— Я знаю, как завалить снайпера! — повторил он.

— Как?

— Я сейчас по-тихому, скрытно разверну свои два расчета, рассчитаю параметры наводки и ночью долбану по развалинам!

— Так просто?! Так просто не бывает!.. У тебя что из приборов-то есть?

— Есть, не переживай. У меня буссоль, ЛПР — больше ничего и не надо. Днем выполним полупрямую наводку, без пристрелки, и готово.

— Вот-вот. Без пристрелки. А то я вас не знаю: чуть ветер подул в другую сторону — у вас мины на километр от цели ложатся.

— Ну, не без этого. А что ты можешь предложить?

— А он еще может и просто не прийти сегодня.

Мы руины расстреляем, а его там не будет, и он туда больше не придет.

— Ну и ладненько. Ночью спать спокойно будем!

— Да не будем. Он просто позицию сменит, и все.

— Где он еще позицию может занять?

Минут пять они по очереди внимательно исследовали прилегающие подступы. Трудно было сказать что-то определенное: вроде бы ровное открытое пространство могло содержать ямы, скрытые зеленью; да мало ли что может использовать для своей маскировки профессионал?

— Ладно, попробуем твой вариант. Ничего не получится, попрошу, чтобы дали разрешение на ночной обстрел местности. Я и так сегодняшнюю ночь на всю жизнь запомню...

ГЛАВА 2

Саша Куценко, привалившись спиной к брустверу, с большим интересом наблюдал, как минометчики оборудовали огневую позицию. Бедняги давно уже остались в одних трусах, пот лил с них градом, а Саблин в это время с расставленной буссоли в десятый раз снимал показания и вел какие-то сложные расчеты на калькуляторе. Через час началась ориентировка минометов в основном направлении. Лейтенант лично проверил установки, покрыл наводчиков матом и заставил повторить все снова. И на этот раз они ему не угодили. Снова мат, но до оплеух дело не дошло, хотя Саблин орал очень громко. Лишь на пятый раз он успокоился и распустил измученные расчеты.

Строго-настрога, под угрозой трибунала, запретил подходить к «подносам», тем более что-то там трогать.

Дробязко, зная своих бойцов, этим не удовлетворился. Он всех построил и сказал, что если они не хотят по одному отправиться к праотцам, как Хавчик, то минометы трогать нельзя. Это актуальное замечание подействовало, чему больше всех радовался Саблин.

После всех треволнений начала дня Саша принялся за чтение неизвестно каким образом попавшей к ним в роту книги — «Два капитана» Каверина. Потом он спал. Потом привезли ужин, опять он спал, а потом опустились сумерки, и началась его смена.

В темноте к нему подошел Рыжий:

— Слушай, давай поменяемся, что-то я не хочу там стоять.

— Что, снайпера испугался?

— Да нет...

— Ну а чего тогда? Иди на свое место — мне и тут неплохо.

Рыжий поколебался, но ушел. Подошел Дробязко.

— Куценко! Держи!

Он протянул Саше что-то тяжелое и темное.

— Это НСПУ — ночной снайперский прицел.

Вещь дорогая — учти. Я не хотел тебе давать, вообще-то, но раз такое дело... И стреляешь ты здорово... Знаешь, как пользоваться?

— Нет.

— Ну, смотри.

Дробязко быстро объяснил, что нужно делать: ничего такого сложного и не оказалось.

— Я справлюсь, товарищ лейтенант, и не потеряю.

— Давай, воин Красной армии, на тебя вся надеж-

да, — ободряюще похлопал по Сашиному плечу Дробязко и отправился дальше — к Рыжему.

На блокпосту царила тишина и темнота. Не курить бойцы, конечно, не могли, но курить они теперь ходили в блиндажи или уж, на самый крайний случай, садились на самое дно окопа и курили там не вставая.

Когда Сашина смена уже подходила к концу, у минометов началось непонятное шевеление: явно что-то готовилось.

- Первое орудие готово!
- Второе орудие готово!
- Две мины, беглым, огонь!

Звуки выстрелов после почти могильной тишины казались оглушающими. У Саши еще некоторое время звенело в ушах. Глаза зафиксировали огни разрывов и с едва заметным запозданием — звук. И снова наступила тишина.

Саша отправился к Рыжему.

- Слушай, чего это они?
- А ты не знаешь, что ли? Развалины слева видел?
- Да...
- Ну вот, снайпер вроде бы там. Хотят его минами накрыть.
- И накрыли?
- Я-то откуда знаю?!
- Ну, ясно.

Саша присел на деревянную скамеечку и задумался. В голове его завертелась одна безумная, но очень заманчивая мыслишка. И чем больше он искал доводов против, тем заманчивее она становилась.

— Слушай, Рыжий, а давай мы на рассвете туда сами слазим, проверим.

- Ты чего, Куцый, рехнулся? Там растяжки могут

быть, а может, он и сам живой, мы поползем, а он нас как встретит!

— Рыжий! Ты пацан или не пацан? А ты знаешь, какие бабки нохчи снайперам платят? В баксах! А может, он там мертвый, и в карманах баксов полно! А?

Рыжий замолчал. Саша прекрасно знал, что денег никаких не будет, но сказать истинную причину Рыжему он не мог. Тот бы его просто не понял и никуда не пошел бы, а одному идти было страшно. Поэтому надо было бить на алчность.

Безумная затея, ничтожные шансы, но вдруг?! Ведь всякое в жизни бывает. Вот так и Солоха, например, в брошенном хозяевами-чеченцами доме открыл шифоньер со шмотками; шмотки на пол побросал, и вдруг зазвенело. Оказалось, два десятка николаевских серебряных рублей нашел.

Короче, кому как повезет.

— Слышь, Куцый, а как мы выползем-то?

— Выползем. На рассвете часовые дрыхнут. На крайняк, там Солоха стоит, договоримся. Он свой парень — не наступит.

Рыжий по-прежнему колебался. Тогда Саша применил последний способ — сделал вид, что разозлился:

— Ну и... с тобой! Один сползаю, а ты у меня тогда больше ничего не проси — земляк называется!

— Да ладно, не дергайся! Я согласен. Разбуди меня только — иначе я не проснусь.

— Молодец, Рыжий! Будешь весь зеленый, в смысле — в баксах!

Пришла смена, Саша ушел в блиндаж, повалился на матрас, но сон не шел к нему: в голове роились мысли. Рыжий спал рядом; по легкому похрапыванию было понятно — дрыхнет по-настоящему. Шли

часы, Саша то задремывал, то снова просыпался. Ага! Вот чуть-чуть стало светлее — пора!

Он осторожно повернулся на бок, закрыл Рыжему рот ладонью, чтобы не заорал спросонья, и толкнул в бок. Рыжий резко очнулся:

— Чего надо?!

— Ты что, Рыжий, оступел совсем? Забыл?

— Нет, никуда я не пойду! Отстань от меня!

— Ты же обещал!

— Да мало ли чего я обещал! Не пойду!

— Ну и хрен с тобой!

Саша не стал брать свою СВД — с ней неудобно ползти, а прихватил сержантский АКС. «Когда я приду, он еще не проснется, а если не приду — то какая разница».

Саша вылез из блиндажа, огляделся. Как он и предполагал, все спали.

Он прошел по ходу сообщения до подъема, вылез и спокойным шагом отправился к бане — там был открытый выезд, чтобы могла подъехать водовозка. Если бы его заметили, то сказал бы, что приспичило. Но если бы заметили, то все бы сорвалось. Он спокойно вышел за пределы блокпоста, прошел немного в полусогнутом виде, внимательно глядя под ноги, чтобы не зацепить тонкий проводок, потом опустился на землю и пополз. Ползти было плохо, мешали колючки, и поэтому, проползав сотню метров, он приподнялся и помчался короткими перебежками. В этот момент он окончательно понял, на какую смертельно опасную авантюру сам себя сподвиг: достаточно хоть одному часовому проснуться, как, увидев его фигуру, он поднимет вселенский хай, и свои же изрешетят его в мелкую капусту. И даже если не изрешетят, то все мучения все равно пойдут насмар-

СОДЕРЖАНИЕ

СНАЙПЕР	5
ХАРАМИ	215